

Горошкова Рената Ришатовна

ФЕНОМЕН ИМЕН СКРУДЖА И МАРЛИ ИЗ "РОЖДЕСТВЕННОЙ ПЕСНИ В ПРОЗЕ" Ч. ДИККЕНСА

В статье проведен фонетическо-ассоциативный и этимологический анализ имен двух персонажей повести Ч. Диккенса "Рождественская песнь в прозе": Скруджа и Марли. Выявленные звуковые особенности и этимология исследуемых имен позволяют уточнить семантику имен персонажей, служа средством углубленного постижения образов, а также подводят к важным выводам о том, что двойничество персонажей может проявляться не только в сюжетных перипетиях или образных сравнениях, но и на уровне языка.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/11-1/3.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 11(65): в 3-х ч. Ч. 1. С. 18-20. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/11-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 821.111-31

В статье проведен фонетическо-ассоциативный и этимологический анализ имен двух персонажей повести Ч. Диккенса «Рождественская песнь в прозе»: Скруджа и Марли. Выявленные звуковые особенности и этимология исследуемых имен позволяют уточнить семантику имен персонажей, служа средством углубленного постижения образов, а также подводят к важным выводам о том, что двойничество персонажей может проявляться не только в сюжетных перипетиях или образных сравнениях, но и на уровне языка.

Ключевые слова и фразы: Диккенс; имя персонажа; двойничество в литературе; двойник; Рождество; рождественская литература.

Горошкова Рената Ришатовна

Санкт-Петербургский государственный университет
gorshkovfamily@gmail.com

ФЕНОМЕН ИМЕН СКРУДЖА И МАРЛИ ИЗ «РОЖДЕСТВЕНСКОЙ ПЕСНИ В ПРОЗЕ» Ч. ДИККЕНСА

Имена Эбенизер Скрудж и Джейкоб Марли, которые носят главные герои «Рождественской песни в прозе», интересны с семантической и фоносемантической точек зрения. Звуковые и этимологические особенности этих имен отсылают к важным для прозы Диккенса образам.

Марли, фамилия компаньона Скруджа, – это самое первое слово рассказываемой истории, даже несмотря на то, что этот человек умер несколькими годами ранее: «Marley was dead: to begin with» [8, p. 9]. / «Начать с того, что Марли был мертв» (*здесь и далее перевод Т. Озерской*) [2, с. 7]. Как окажется, эта деталь не случайна и имя мертвеца живет в повести самостоятельной жизнью и даже плодоносит дополнительными смыслами.

Лик умершего дельца возникает в повествовании не тотчас вслед за его именем, а несколько позже: Скруджу надо будет еще пройти путь от конторы с вывеской «Марли и Скрудж» до дома: «And then let any man explain to me, if he can, how it happened that Scrooge, having his key in the lock of the door, saw in the knocker, without its undergoing any intermediate process of change – not a knocker, but Marley's face» [8, p. 17]. / «А теперь пусть мне кто-нибудь объяснит, как могло случиться, что Скрудж, вставив ключ в замочную скважину, внезапно увидел перед собой не колотушку, которая, кстати сказать, не подверглась за это время решительно никаким изменениям, а лицо Марли» [2, с. 17]. Расшифровать данный отрывок поможет первая аллюзия, которая связана с французским происхождением слова *marli*, омофона Марли, обозначающего кайму, границу, рамку какого-либо предмета. Несмотря на то, что Марли был мертв, его визуальный образ появляется перед читателями в дверном молотке дома Скруджа. Как только Скрудж переступает порог, наррация переходит непосредственно к главной истории повести, *обрамляющей*, в свою очередь, другие, не менее важные: о людях и событиях из прошлого, настоящего и будущего – все то, что перестало интересовать Скруджа за пределами своего жилища, но именно в доме, прежним владельцем которого был Марли, эти истории вдруг становятся актуальными и важными.

Во французском языке слово *marli* обозначает марлю. Джейкоб Марли является первым встреченным Скруджем Духом, который так же прозрачен, как марля: «His body was transparent; so that Scrooge, observing him, and looking through his waistcoat, could see the two buttons on his coat behind» [8, p. 19]. / «Тело призрака было совершенно прозрачно, и Скрудж, разглядывая его спереди, отчетливо видел сквозь жилетку две пуговицы сзади на сюртуке» [2, с. 21].

Помимо непроницаемости, Дух Марли обладает еще одним качеством – свечением, но свечением не готического призрака, а морского обитателя – омара, по совместительству изысканного деликатеса, который к началу описываемых событий потерял свежесть: «like a bad lobster in a dark cellar» [8, p. 17]. / «...как гнилой омар в темном погребе...» [2, с. 17].

Морская тематика возникает не только в этом сравнении, она таится в самом имени Марли. Аллюзия, связанная с морем, появляется из фонетической близости фамилии *Marley* и названия рыбы – *marlin* («марлин»), отличительной особенностью которой является острый клюв, похожий на иглу. Сопоставляется с обитателем моря и компаньон Марли, Скрудж, который, как устрица, спрятался в раковину равнодушия и стал творником своего сердца: «secret, and self-contained, and solitary as an oyster» [8, p. 10]. / «Скрытный, замкнутый, одинокий – он прятался как устрица в свою раковину» [2, с. 8].

В этих образах – надежда для живущего Скруджа, «раковина» которого еще, возможно, раскроется, и безнадежность для умершего Марли, время которого уже прошло, как срок годности пропавшего омара из темного погреба [7, p. 75-76].

В морском контексте примечательной является не только фамилия Марли, но и его имя – *Jacob* (Джейкоб). Уже упомянутая выше раковина устрицы считается атрибутом апостола Иакова Зеведеева [10, p. 109]. На этом фоне кажется значимым то, что первый появившийся в повести герой – Джейкоб Марли, навестивший своего приятеля, живущего в метафорической раковине, – имеет тезку в ряду христианских святых, который на иконах держит в руках раковину символическую. Обратим внимание на то, что святой Иаков Зеведеев покровительствует паломникам и путешественникам. Мотив путешествий появляется в «Рождественской песни в прозе» не раз: подчеркивается, что Джейкоб Марли в своей загробной жизни только и делает,

что путешествует: «‘Seven years dead,’ mused Scrooge. ‘And travelling all the time!’ ‘The whole time,’ said the Ghost. ‘No rest, no peace. Incessant torture of remorse’» [8, p. 23]. / «“Семь лет как ты мертвец, – размышлял Скрудж. – И все время в пути!” “Все время, – повторил призрак. – И ни минуты отдыха, ни минуты покоя. Непрестанные угрызения совести”» [2, с. 24].

Именно благодаря Марли Скрудж превратился в паломника поневоле, добравшегося в итоге до цели – понимания главного смысла своей жизни.

Марли и Скрудж если не тезки, то уж, во всяком случае, – двойники, поэтому не удивительно, что Скрудж откликался на оба имени: «Sometimes people new to the business called Scrooge Scrooge, and sometimes Marley, but he answered to both names. It was all the same to him» [8, p. 58]. / «И какой-нибудь новичок в делах, обращаясь к Скруджу, иногда называл его Скруджем, а иногда – Марли. Скрудж отзывался, как бы его ни окликнули. Ему было безразлично» [2, с. 58].

Дверь дома Скруджа в ночь описываемых событий оказывается дверью в мир духов и призраков, а его реакция на лицо Марли, увиденное вместо дверного молотка, похожа на реакцию внезапно увиденного собственного отражения в зеркале. Когда лицо мертвого компаньона исчезает, Диккенс фиксирует внимание на том, из чего и состоит имя Скруджа, что представляется нам важным ввиду фонетического сходства фамилии героя и английского слова, обозначающего болт, винт, – *screw*: «But there was nothing on the back of the door, except the screws and nuts that held the knocker on» [8, p. 17]. / «Но в двери больше не было ничего, кроме болтов и гаек, которые держали дверной молоток» [2, с. 18].

Это свидетельствует о важности и неслучайности метафоры нестигаемого гвоздя, которая встречается в самом первом абзаце повести: «Old Marley was as dead as a door-nail» [8, p. 5]. / «Старый Марли был мертв, как гвоздь в притолоке» [2, с. 7].

Это диккенсовское сравнение Марли с гвоздем обретает законченность и полноту, если вспомнить рыбу марлин, о которой было сказано выше: название этому деликатесу с острым рылом дал специальный гвоздь с заостренным концом, на английском – *marline*. Этой рыбе не придется в одиночку плавать в океане смыслов: сходство фамилий приятелей также проявляется в еще одной потенциальной ассоциативной связи: фонетически имя *Scrooge* приближается к слову *scrod* [11, p. 1404], которое обозначает молодую треску, что прекрасно вписывается в диккенсовский ряд морских обитателей.

Еще одна фонетическая связь имени главного персонажа отсылает к слову *scrounge* [Ibidem] – «попросить милостыню». В случае этой этимологической связи имя Скрудж становится «именем-перевертышем» (назовем это так). Это имя, которое указывает на прямо противоположные особенности героя, поскольку богач Скрудж не тот, кто позволяет другим жить подавляющими: «No beggars implored him to bestow a trifle» [8, p. 10]. / «Ни один нищий не осмеливался протянуть к нему руку за подавляющим» [2, с. 9].

В некоторых случаях [3, с. 129] толкование имен персонажей требует обращения к древнейшему литературному источнику – Библии. В Ветхом Завете повествуется об Иакове как родоначальнике народа еврейского. Библейский Иаков имеет и другое имя – Израиль. Здесь в очередной раз важно то, как это имя сочетается с этимологической расшифровкой имени самого Скруджа. Имя *Ebenezer* пришло в английский язык из иврита и означает «камень помощи» и – как и имя Джейкоб – отсылает к Библии: так обозначалось место битвы между израильянами и филистимлянами: «Затем Израиль вышел, чтобы сразиться с филистимлянами» [1, с. 263]. В «Рождественской песни в прозе» Джейкоб, как когда-то израильяне к камню помощи, пришел к своему другу, чтобы тот избавился от врагов – не внешних, а внутренних. Видимо, и это имя – Эбенизер, – данное Скруджу при рождении, тоже со временем превратилось в имя-перевертыш: «Oh! But he was a tight-fisted hand at the grindstone, Scrooge! <...> Hard and sharp as flint, from which no steel had ever struck out generous fire» [8, p. 10]. / «Ну и сквалыга же он был, этот Скрудж! <...> Это был не человек, а камень. Да, он был холоден и тверд, как камень, и еще никому ни разу в жизни не удалось высечь из его каменного сердца хоть искру сострадания» [2, с. 8].

Некоторые камни, упоминаемые в «Рождественской песни в прозе», также становились камнями помощи. Например, в самом начале повествования, когда Скрудж, будучи еще в своей худшей ипостаси, сидел в конторе: «he could hear the people in the court outside, go wheezing up and down, beating their hands upon their breasts, and stamping their feet upon the pavement stones to warm them» [8, p. 59]. / «Скрудж слышал, как за окном прохожие сновали взад и вперед, громко топая по тротуару, отдуваясь и колотя себя по бокам, чтобы согреться» [2, с. 9]. Скрудж, знавший все мыслимые мирские законы, все равно в один прекрасный момент попал в обстоятельства, когда эти знания уже не помогают: именно путь к своему дому – его первое испытание: «The yard was so dark that even Scrooge, who knew its every stone, was fain to grope with his hands» [8, p. 65]. / «Во дворе была такая темнота, что даже Скрудж, знавший там каждый булыжник, принужден был пробираться ощупью» [2, с. 17].

Необработанные грубые камни являются одним из важнейших образов, который дополнит образы рабочих шахты, чье жилище посетили Скрудж с Духом Нынешних Святков, а также опустившихся на дно жизни бедняков. Эти люди, несмотря на свою грубость, не забывают главные истины, а празднование Рождества для них становится камнем помощи, дарящим надежду и силы: «Passing through the wall of mud and stone, they found a cheerful company assembled round a glowing fire» [8, p. 104]. / «В оконце какой-то хибарки блеснул огонек, и они поспешно приблизились к ней, пройдя сквозь глинобитную ограду. Их глазам предстала веселая компания, собравшаяся у пылающего очага» [2, с. 65]. Тема камней будет продолжена дальше, и звук грызущей что-то крысы под камнем домашнего очага станет для Скруджа символом безнадежности и отчаяния: «He lay, in the dark empty house, with not a man, a woman, or a child, to say that he was kind to me in this or that, and

for the memory of one kind word I will be kind to him. A cat was tearing at the door, and there was a sound of gnawing rats beneath the hearth-stone» [8, p. 119]. / «Вот он лежит в темном пустом доме, и нет на всем свете человека – ни мужчины, ни женщины, ни ребенка – никого, кто мог бы сказать: “Этот человек был добр ко мне, и в память того, что как-то раз он сказал мне доброе слово, я теперь позабочусь о нем”. Только кошка скребется за дверью, заслышав, как пищат под шестком крысы, пытаясь прогрызть себе лазейку» [2, с. 84]. Могила Скруджа станет последним камнем помощи в тех спасительных видениях, которые ему показывали Духи Рождества: «“Before I draw nearer to that stone to which you point,” said Scrooge, “answer me one question. Are these the shadows of the things that Will be, or are they shadows of things that May be, only?”» [8, p. 124]. / «Прежде чем я ступлю последний шаг к этой могильной плите, на которую ты указуешь, – сказал Скрудж, – ответь мне на один вопрос, Дух. Предстали ли мне призраки того, что будет, или призраки того, что может быть?» [2, с. 90]. В этом отрывке происходит пересечение смыслов: указывающий на камень призрак обращал внимание на того, кто лежит под этим камнем, то есть на самого Эбенезера. Мертвец, лежащий под камнем, никому помочь не сможет, но именно в помощи другим, как выясняется в конце повести, спасение Скруджа. Канадский исследователь Ф. Оллинэм склонен этимологически приближать трактовку фамилии Марли к камню [6, p. 17]: в диалектах некоторых регионов Великобритании слово *marley* означает мрамор (*marble*). Этот камень описывается так: белый, как свежесыпавший снег; камень, от которого веет захребным холодом [5, с. 143]. Также часто мрамор используется для изготовления надгробных памятников [Там же, с. 147], а транспортировка этого камня из мест добычи в места строительства издавна происходила в основном по морю [9, p. 124]. Снежная белизна отсылает к самому снежному периоду года – Рождеству, захребный холод в очередной раз напоминает о том, что Марли мертв, а морской способ перевозки этого самоцвета актуализирует морские ассоциации и мотив странствия. В тексте не указано, из какого именно камня была сделана могила Скруджа, важно здесь то, что и «каменная» трактовка имен Эбенезер и Марли вновь помещает этих компаньонов в один семантический ряд.

Таким образом, если сопоставить сравнения, которыми характеризуются партнеры по бизнесу (*lobster – oyster*), и возникшие из расшифровки их имен ассоциации (*marlin – scrod, marline – screw, Ebenezer – Marley / marble*), то окажется очевидным, что игра Диккенса с именами главных героев «Рождественской песни в прозе» – Скруджа и Марли, – прежде всего, ставит цель указать на их двойничество, но, в отличие от традиционного литературного канона изображать двойников как проклятие, как причину нравственной или физической гибели [4, с. 25], двойник Скруджа – Марли – является его спасителем.

Список литературы

1. Библия. М.: Российское библейское общество, 2005. 1376 с.
2. Диккенс Ч. Собрание сочинений: в 30-ти т. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1959. Т. 12. Рождественские повести. 508 с.
3. Михновец Н. Г. «Рождественская песнь в прозе» Ч. Диккенса как произведение-посредник и тип культуры // Евангельский текст в русской литературе XVIII-XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: сб. науч. тр. / ГОУВПО «Петрозавод. гос. ун-т»; отв. ред. В. Н. Захаров. Петрозаводск: Изд-во Петрозавод. ун-та, 2008. Вып. 5. С. 127-146.
4. Полякова А. А. Готический канон и его трансформация в русской литературе второй половины XIX века (на материале произведений А. К. Толстого, И. С. Тургенева и А. П. Чехова): автореф. дисс. ... к. филол. н. М.: РГГУ, 2006. 28 с.
5. Ферсман А. Е. Рассказы о самоцветах. СПб.: Издательство «Левша. Санкт-Петербург», 2014. 263 с.
6. Allingham Ph. V. The Naming of Names in Charles Dickens's A Christmas Carol // Dickens Quarterly. 1987. Vol. 1 (4). P. 15-20.
7. Davis J. M. G. Dickens's bestiary: animals as expressions of character and theme. College Park: University of Maryland, 1992. 84 p.
8. Dickens Ch. Christmas Carol and Other Christmas Books. Oxford University Press, 2006. 487 p.
9. Greenhalgh M. Marble Past, Monumental Present: Building With Antiquities in the Mediaeval Mediterranean. Leiden – Boston: BRILL, 2009. 634 p.
10. Hynes M. E., Mazar P. Companion to the Calendar: A Guide to the Saints and Mysteries of the Christian Calendar. Chicago: Liturgy Training Publications, 1993. 210 p.
11. Klein E. A Comprehensive Etymological Dictionary of the English Language: in 2 vol. Amsterdam: Elseiver Publishing Company, 1967. Vol. 2. L-Z. 1765 p. (844 + 921 p.)

THE PHENOMENON OF SCROOGE AND MARLEY'S NAMES FROM “A CHRISTMAS CAROL IN PROSE” BY CH. DICKENS

Goroshkova Renata Rishatovna
Saint Petersburg University
goroshkovfamily@gmail.com

The article provides phonetic-associative and etymological analysis of the names of two personages of the story by Ch. Dickens “A Christmas Carol in Prose”: Scrooge and Marley. The identified acoustic peculiarities and etymology of the mentioned names allows the author to clarify the semantics of personages’ names, being a means to understand deeply the images and lead to the important conclusions that the personages’ dual nature can manifest itself not only in the story development or figurative comparisons but also at the language level.

Key words and phrases: Dickens; personage’s name; dual nature in literature; double; Christmas; Christmas literature.